

ТЕМА СОВРЕМЕННОСТИ НА ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНЕ

А. МЕРДИЯНИ

3 СЕН 1960

В КАКОЙ степени грузинские театры сумели в сезоне минувшем достичь своего главного: показать дни нашей жизни, нашего современника? Вопрос этот с особой остротой встает сейчас, в преддверии сезона нового. Лишь по отзыву на него можно судить о творческой деятельности театров.

За последние два года в репертуаре театров республики резко увеличилось количество пьес о нашем сегодняшнем дне. Зрителям было показано свыше 40 постановок пьес советских авторов. Это на одну треть больше, чем в предыдущем сезоне, и почти в три раза больше декадного сезона 1957—1958 годов. Но если слово современности понимать не расплывчато, а вполне конкретно, если судить о пьесах и спектаклях с точки зрения действительного отражения наших дней, то, перебирая множество названий, мы могли бы обнаружить лишь две-три интересных произведения, не больше!

Смысл понятия современности должен быть явательно ясным. Подлинный разговор о современности — это разговор в заревах, оправдывающийся в атмосфере исторически решенных XX и XXI столетий партий, нечуждые нового периода в жизни Советского государства.

Выступая на Всероссийском съезде учителей, Н. С. Ждурин указал: «Нам нужно не просто усвоение знаний, а превращение их в глубокое идейное убеждение, такие убеждения, которые рождают энтузиазм, чувства, проявляются в делах, а поступают на благо народа».

РАССМОТРИМ в свете основной, ведущей тенденции сегодняшнего дня новую пьесу Марии Бераташвили «Мое Кавказие», поставленную в Театре им. Марджанишвили молодым режиссером К. Сурмава.

Поэтически написанный автором и барочно современный режиссером пролог вводит нас в прозаично-чуждую атмосферу пошлой романтики. Стоя как бы перед бескрайним простором новой дали, семнадцатилетняя Манана, душой жаждущая подвига, делится с мамой своими помыслами и мечтаниями. Бесконечно влюбленная в родное село Кавказие, она как будто чуть сомневается в том, что нем, сидящим в зале, не вылазит счастья родиться и пожить в этом уголке, чудесном и природой, и людьми, новыми людьми. Манана с гордостью пригласив познакомиться за ней на этому краю цетов (Кавказие в переводе — цветник), возвращенному нашим современникам.

Там автор настраивает нас на толму, трудовой, кипучей жизни сегодняшнего села... Но в финале первой же картины драматург вдруг переключает регистр. И вместо обещанного зритель видит, как основную часть сценической площадки оккупировано люди, отнюдь не достойные подражания. Опять

— и уже в третий раз — на сцену каторжники выплывают мешанка-жана, муж которой совершает трудовые подвиги... за кулисами. Легкомысленную, мимичную Мимому соросонидет ее душою и мастендид, молодильщик развалила тета Имиде (статси, отлична Свирная М. Давташишвили). Два разновозрастных львцы на только направляют каждый шаг иррадуной с ними лверетци, но и, пожелав, сквозное действие всей пьесы.

Жаль, что эти давно прильнявшиеся персонажи олазались в центре динамики автора, а не те, которые обещали показать нам юная Манана Мшеникереде и которых драматург так и не вывел на передний край пьесы.

При сравнении пьесы «Мое Кавказие» с «Поворотом Д. Тактиакиши, талантливо сыгранным автором Кутаевского театра, вновь возникает необходимость критического пересмотра теории, недооцененной весомости и характера объекта в художественном отображении современности. Пьеса Д. Тактиакиши страдает недостатком, но фетор ее не мочут лишь в мире узкой семейно-личных отношений. Автор старается говорить о существовании примата времени. И, утративши значительную значимость темы, он сводит интерес прожить свой драматургический диндье. Думается, что и не вызываясь сомнения талант автора «Строености» проявился бы полнее, если бы ее глаз художника оказался более требовательным к выбору главного объекта. Бераташвили в драматургию пришла из поэзии — поэзия плавучей и оптимистической. В ряде стихотворений поэтессой передан высший пафос деятельности сельских тружеников. Хотелось бы, чтобы Мария Бераташвили в последующий пьеса заговорила полным голосом о той оригинальной радости труда, о которой ей удалось сказать в лучших образцах собственного поэтического творчества.

СРЕДИ НОВЫХ пьес сезона следует отметить комедию Отара Чидвадзе «Крот». Театр им. Грибоедова создал спектакль, прошедший в обстановке сердечности и взаимопонимания (режиссер М. Ольшанский). Но оптимизм, если сравнить «Крота» с «Первым ястоном» (предыдущей пьесой того же автора о целинниках), можно заметить, как выросший профессионально драматург на этот раз заметно снизил гражданский пафос своего творения. Чем это вызвано? Давайте подумаем. Там ли бесследно прошел для него печальный опыт «Первого ястона», которому так и не удалось по-настоящему вскрыть свои корни на сцене одного уважаемого театра?

Неудача может постичь каждого, но ведь режиссура, поддавшись конъюнктурным соображениям, сознательно ослабила конфликт пьесы и тем самым не могла не поколе-

бать веру автора в возможность решения наиболее актуальных в жизни тем, трудивших от театра полной отдачей, смелости и творческого риска. Каждая встреча в театру у автора оставляет тот или иной след, определенно влияющий на выбор и характер темы будущего произведения. Если писатель приносит производные жизненно важной темы и облекается на перестроенной тенденции театра, то впоследствии он порой начинает искать выход в догматичности и зашнурованности своего нового произведения, снимая требовательность и его идейному содержанию.

РАЗМЫШЛЯЯ об всем этом, снова понимаешь, как важно режиссуре вовремя увидеть, поддержать и развить наиболее здоровую тенденцию в творчестве того или иного драматурга.

Драматург К. Буачидзе порой обвиняют в излишней легковесности его произведений. Но достаточно вспомнить созданный им образ простого, доброго, благородного человека, обыкновенного пожарника Чичацова («Во дворе зава собана», спектакль Театра им. Руставели), давший возможность Нодуру Чамбадзе создать столь достоверный образ нашего современника, чтобы предствить, как мало сделано нашей режиссурой в деле поощрения принципиально важных достижений современных авторов.

В разговоре с драматургами не следует злоупотреблять негативными тоном. За судьбу каждой пьесы и спектакля ответственны и режиссура, и критика. Отсутствие искренности деловой атмосферы, созданной общими стараниями режиссеров, драматургов и критиков, мешает и театру, и критике.

Часто ли может драматург услышать неизменяемый и всеобъемлющий совет замечания, заглядывая в душу художника? Впрочем, зачем обвинять только критику. Ведь скажем, драматург Марина Бераташвили была открыта не «родными» марджановцами, а «чужой» режиссурой Театра Советской Армии. Только спустя пять лет марджановцы творчески подтянулись приложив необходимые старания и постановка «Строености». Далеко давно минувших дней, но вопросы эти имеют прямое отношение к деятельности театров к прошлому сезону.

Какие выводы сделал из этого поучительного факта Театр им. Марджанишвили? Видно следовало полагать, что театр и в первую очередь режиссура заглядает свою вину в последующей активной работе с автором. Однако этого не произошло. На постановку новой пьесы Бераташвили был приглашен режиссер со стороны. Мы не возражаем в принципе против подобных приглашений, но желательно спросить, почему такой мастер режиссуры, как В. Куштинский, предпочел работать не над пьесой современного грузин-

ского автора, а над коммюнистической парадигмой неоригинального произведения? Почему не заинтересовались другой пьесой грузинского автора и молодые зрители, на осуществлении и этой постановки? Пьеса Г. Камбачини, рассказывающая о новом пополнении рабочего класса Грузии, да служила было знакомым, чем мало кто интересуется история с этой Чарльва. Почему же именно этот ватий и пустой «ваделли» предпочли ставить в Театре им. Марджанишвили?

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫМ явление сезона стали гастроли Кутаевского театра в Тбилиси. И драма, в которой отчаянно превозвела пошлость тематика, и то обстоятельство, что из семи названий пьес принадлежала грузинским авторам, выгодно отличал Театр им. Ладо Месхишвили. Кутаисцы не только первыми протянули руку автору современной пьесы, о которой мы уже упоминали, они не только первыми дали сценическую жизнь одному из лучших произведений грузинской советской прозы («Зара Молдыд К. Лордидинидзе»), но во всей своей репертуарной политике они приближались к требованиям жизни.

В этом, безусловно, положительную роль сыграло твердое единение лице художественного руководителя Акакия Васадзе. Но Васадзе не пришлось строить доброту на лучшей произведении крайний коллектив. Новый же главный режиссер не потерялся в разногласиях, подчас возникающих в рамках коллектива, не уходя от личной ответственности. Над этим следует задуматься другим авторам, порой из ложно понятой коллегиальности терпящим часто одиноко направленные творства.

Вудущий особенно волнующий сезон призывает к тому, чтобы все было заранее внимательно прозрено и взвешано. Это одно из необходимых условий, чтобы славная дата 40-летия Советской Грузии была достойно отмечена мастерами сцены. Начало ответственного сезона не за горами, А попробуйте побеседовать с новыми режиссерами и авторами, попробуйте узнать, чем занята беспокойная мысль художника, и вам снова может назваться произведения вечного автора.

Отдельные театральные работники не до конца отстранились от устаревших представлений, а зоркость художника особенно необходима при оценке достоинств и недостатков современных произведений. Если, отмечая лучшие работы нашей режиссуры, мы можем говорить об использовании творческого наследия Марджанишвили и Ахметели, то на поучительный опыт привлечения молодых авторств в драматургию на получения должно резюмировать. Ни Марджанишвили, ни Ахметели не пришло относиться к творчеству молодых драматургов, не ограничивались простым оценкам современных пьес.

В НАСТОЯЩЕЙ статье мы не старались обрисовать всю картину сезона, провалить кривую побед и провалов каждого театра в отдельности. Стараясь коснуться лишь основных узловых вопросов, мы сознательно остановились на отдельных нечетких представлениях, мешающих использовать в полной мере огромные творческие резервы на главном направлении грузинской советского театрального искусства, ибо анды на будущий сезон открываются хорошие.

Для Театра им. Руставели закончил пьесу видный грузинский прозаик и драматург Сергей Кидишвили. О рабочем классе Грузии пишет пьесу Михаил Дваларидзе для Театра им. Марджанишвили. Искреннюю пьесу написала видный грузинский поэт Григол Абидзе. Занимаясь писать Михаил Мревлишвили, Иона Вавели, Георгий Шабберидзе и другие хорошо известные драматурги. Но, как знать, может случиться, что больше всех порадууют нас те авторы, которых мы не смогли упомянуть.

М. ГИЖИМКРЕЛИ, соф. коор. «Советской культуры».

ТБИЛИСИ.
«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
3 сентября 1960 г. 3 стр.